

ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!

Сергей Зверев

КОНТРАКТНИК

ПРЕЗЕНТ
ОТ НАШЕГО
СТВОЛА

Сергей Иванович Зверев

Презент от нашего ствола

Серия «Контрактник»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177712

Сергей Зверев. Презент от нашего ствола: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-33045-4

Аннотация

В Афганистане обнаружены предприятия, перерабатывающие опий-сырец. Их хозяин полевой командир Насрулло занимается поставками героина через Албанию в Россию. Руководство ФСБ поручает группе спецназа, в состав которой входит молодой снайпер-контрактник Владимир Локис, уничтожить нарколаборатории. Удары должны наноситься точно и предельно аккуратно, в обстановке строгой секретности, чтобы никоим образом не осложнить дипломатическую обстановку и не спровоцировать появление антироссийских настроений. Но хитрый Насрулло узнает о планах российских спецназовцев. Он не намерен терять источник своего благосостояния и готов сразиться даже со всей российской армией!..

Содержание

1	4
2	14
3	22
4	32
5	39
6	47
7	56
8	63
9	69
10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Зверев

Презент от нашего ствола

1

Все произошло быстро. Настолько быстро, что некоторые из пассажиров полупустого вагона подмосковной электрички, которая отправилась с Курского вокзала чуть более получаса назад, так и не сообразили, в чем, собственно, было дело.

Электричка на 21.25 была последней возможностью попасть самым дешевым железнодорожным транспортом в Балашиху – последнюю станцию в конце тупиковой ветки, по которой только пригородные поезда и ходили. В начале апреля в это время темно, и пассажиры, утомленные Москвой, утомленные мельканием человеческих лиц и автомобилей, в большинстве своем мирно дремали, покачиваясь в такт перестуку колес, прислонившись друг к другу либо к темному оконному стеклу, за которым практически ничего не было видно, за исключением освещенных перронов во время коротких остановок.

На станции Горенка – это была последняя остановка перед Балашихой – в вагон заскочила шумная компания, состоящая из семи-восьми парней, ведущих себя крайне развязно,

и одной флегматичной девушки с нездоровым бледным лицом, на котором выделялись темные круги под глазами, заметные даже при мутном свете грязных ламп.

Двое парней встали у раздвижных дверей в передней части вагона, а еще двое быстро прошли к противоположному тамбуру и заняли позиции там. Юнец в длинном темном пальто и широкополой шляпе заорал, стараясь перекрыть шум электродвигателей и стук колес:

– Уважаемые дамы и не менее уважаемые господа! Просыпайтесь, ибо Балашиха уже близко, а уникальный перформанс, который мы вам сейчас покажем, длится считанные минуты, и вы будет кусать свои локти, если не увидите его.

Юнец был явно не москвич, а свой, балашихинский. Это было ясно по тому, как он произнес название города, делая ударение на втором слоге, в то время как москвичи, да и вообще все небалашихинцы обычно упирали на третий.

Вечерами в этой электричке ездит, как правило, одна и та же публика – жители пригорода, работающие в Москве. Эти люди ежедневно проводят в поезде более полутора часов, и их сложно удивить чем-либо новым. Ибо видели они и слышали и лжепогорельцев с их традиционной скороговоркой – «сами мы не местные, помогите, чем можете», и неопрятных бомжей, молча держащих замусоленную табличку с корявыми буквами – «Помогите оплатить дорогостоящую операцию», и совсем уж не изобретательных попрошаек, просто протягивающих руку в ожидании милостыни.

Таким профессиональным нищим подавали неохотно – другое дело музыканты, играющие чаще всего на баяне, но случалось, что и на гитаре, флейте и даже саксофоне, исполняющие что-нибудь народное либо популярные хиты. Их одаривали, как правило, щедрее, потому что они не просили, а работали, а всякий труд должен хоть как-нибудь, но оплачиваться.

Однако у парней, обещавших уникальный перформанс, инструментов с собой не было. Впрочем, вихлястый конференсье после сделанного им объявления, достал из глубокого кармана своего долгополого пальто сиди-проигрыватель, нажал кнопку, и тотчас, заглушая привычный грохот электрички, раздался зычный баритон сэра Тома Джонса, который исполнял свой непреходящий шедевр «Секс-бомб».

– Вашему вниманию предлагается демонстрация обычного полового акта среднестатистической продолжительности! – провозгласил вихлястый юнец, стараясь перекричать Тома Джонса. – Сердечникам, несовершеннолетним и слабонервным настоятельно рекомендую отвернуться.

– Боже, что они собираются делать? – заволновалась молодая беременная женщина, сидевшая в конце вагона. Ее спутник, тощий мужичок лет тридцати, вытянул голову, стараясь не упустить ничего из происходящего в другом конце вагона.

– Ничего особенного, – сказал он молодой женщине. – Обыкновенный стре#птиз.

– Что-что?

– Конь в пальто! Стре#птиз говорю, – нещадно коверкая непривычное слово, повторил мужичок, вытягивая шею.

И действительно, стоявшая в проходе девушка, с бледным безучастным лицом, расстегнула брючный ремень, расстегнула молнию и спустила вниз до щиколоток свои черные джинсы. Все пассажиры в вагоне вдруг притихли. Звучал бодрый припев песни «Секс-бомб».

– Давай, милая, давай! – поторопил ее вихлястый. – Народ ждет, не томи! Перегон между станциями всего девять минут – надо все успеть!

Девушка, все с тем же застывшим выражением лица, похожим на маску, спустила трусики и наклонилась вперед, ухватившись руками за поручни на спинках сидений. Сзади к ней пристроился бритый наголо круглоголовый качок в черном кожаном пиджаке и стал совершать недвусмысленные телодвижения.

– Господи! Да они ж по-настоящему! – завопила было беременная женщина, но, сама испугавшись своего крика, закрыла рот ладонью.

– Молчи, дура! – зашипел ее спутник.

– Вася, но ты же милиционер! – повернулась к нему беременная.

– Я не при исполнении, – возмущенно сказал сидевший рядом с ней кадыкастый мужичок, стараясь говорить не очень громко. – И что, я за девять тысяч рублей свою жопу должен подставлять вместо этой дуры? Не видишь, все по

согласию!

Удивительно, но именно эти слова, сказанные вполголоса, разбудили парня (в шерстяной вязаной шапочке) лет двадцати трех. До этого он спал, прислонившись головой к стеклу, – его не разбудила даже песня легендарного вокалиста, звучащая в данной конкретной обстановке неожиданно мрачно, а вовсе не жизнеутверждающе, как обычно. Проснувшись, он протер кулаками глаза и спросил у кадыкастого мужичка:

– Че так весело?

– Так ты что, спал? – повернул тот к парню расплывшуюся в ухмылке рожу. – В самом деле?

– Ну да! А по какому поводу веселье?

– Во дает! Так тут же совокупление было! Секс-бомба! На глазах у всех! Вон там возле тамбура!

Парень в вязаной шапочке недоверчиво посмотрел на беременную спутницу мужичка, все еще прикрывающую ладошкой рот, и та, поймав его вопросительный взгляд, энергично закивала головой в знак согласия, не в силах вымолвить ни слова. Молодой человек привстал со своего места, чтобы получше разглядеть людей, стоявших в противоположном конце вагона, но перформанс, который так шокировал пассажиров, уже закончился. Девушка уже застегивала молнию на джинсах. И тут парень, проспавший перформанс, увидев девушку, вдруг улыбнулся во весь рот:

– Зойка! Привет, малая! Это я, Вовка Локис!

Однако девушка никак не отреагировала на его привет-

ствие – она затянула брючный ремешок на животе и повернулась к дверям, ведущим в тамбур. Двое парней, стоявших у раздвижных дверей, расступились, давая ей дорогу. Девушка вышла в тамбур, и сквозь стекло было видно, как она прикуривает сигарету.

– Что, не признала? – спросил кадыкастый.

– Это Зойка, с нашего двора, – убежденно сказал Вовка Локис, пытаясь разглядеть девушку в тамбуре через овальные стекла дверей вагона.

– Не захотела тебя признать – хвастаться нечем, – подытожил кадыкастый мужичок.

– Это Зойка, она не курила никогда, – продолжил Локис.

– Не курила, не пила, даже девушкой была! – на манер частушки пропел мужичок.

Локис недоуменно глянул на него.

– Было и прошло, – сказал мужичок. – Если на глазах у всех этими делами занимается, значит, всякий стыд твоя Зойка потеряла.

– Уважаемые дамы и господа! – вихлястый тем временем снял свою широкополую шляпу, обнажив голову, начисто лишенную волос. Вытянув вперед руку, в которой он держал перевернутую шляпу, юнец провозгласил: – Почтенная публика! Учитывая особый экстрим нашего перформанса, попрошу не скупиться! Актеры честно отработали свой гонорар – вы только что были свидетелями естественного полового акта среднестатистической продолжительности! Акте-

рам нужны средства для восстановления сил, потраченных во время перформанса.

Вихлястый юнец, наклонив лысую, блестящую от испарины голову, пошел по проходу, протягивая шляпу сидящим на скамейках пассажирам. Сзади его сопровождали двое, те, что вначале стояли у дверей переднего тамбура. Процессию завершал непосредственный участник надругательства над общественной моралью – бритый наголо качок в черном кожаном пиджаке.

Пассажиры, пряча глаза, бросали в шляпу мятые купюры. Отделаться мелочью не удавалось. Вихлястый в темном пальто не убирал свою шляпу, пока в нее не клали достаточную, по его мнению, сумму.

– Но Зойка же не курила никогда! – возмущенно сказал Локис беременной спутнице кадыкастого мужичка и решительно встал со скамейки. Чуть опустив голову, как бык перед атакой, он пошел по проходу навстречу вихлястому и его товарищам.

– Посторонись, – коротко сказал он вихлястому юнцу, который с веселым недоумением уставился на Локиса.

– Заплати и иди, куда хочешь, – сказал ему вихлястый, кривя тонкие губы в иронической ухмылке.

– Бог подаст! Посторонись, убогий, – жестко произнес Володя.

– Ты что, окосел, кондом вонючий? Да я таких, как ты, майкой на водопой гонял! – С вихлястого в мгновение ока

слетела его напускная снисходительность. Он понимал, что с атлетического вида парнем в вязаной шапочке ему никак не справиться – а те, что шли вслед за ним, помочь в этой ситуации никак не могли, так как проход был слишком узкий. Вихлястый поднял свободную руку вверх и несколько раз призывно помахал ладонью. – Ты сейчас за борзость ответишь!

Жест был адресован сообщникам, охранявшим дверь в тамбур позади Локиса.

Однако Локис не стал дожидаться удара в спину. Опершись руками о спинки сидений, он как гимнаст, делающий уголок на кольцах, выбросил вперед ноги и ударил вихлястого в живот. Тот, не выпуская шляпу – из нее на пол посыпались банкноты, – пролетел метра полтора и сел на собственный зад, уронив при этом двоих из своего эскорта. Так костяшки домино, поставленные в ряд, падают от легкого щелчка.

Локис легко перескочил через упавших, а от бросившегося к нему «качка» в черном кожаном пиджаке, который немного отставал от своих и потому не попал в кучу-малу, увернулся, отпрыгнув с прохода в сторону. Проскочившего мимо него исполнителя перформанса Локис ударил локтем в бритый затылок, и тот, охнув, свалился на своих пытавшихся подняться с пола приятелей. Спешившие им на помощь от противоположных дверей вагона товарищи оказались отрезаны от Локиса этой кучей малой.

Володя рванул двери, ведущие в тамбур. Девушка, безучастно смотревшая на свое изображение в темном стекле, не повернула головы. Она докуривала бычок, который, должно быть, уже обжигал ей пальцы, но девушка не замечала этого, как не замечала, казалось, ничего вокруг себя. Это была действительно Зойка, с которой он жил в одном доме, подъезде.

– Малая, ты чего это? Ты чего это тут делаешь? – спросил Локис, дернув ее за плечо. – Куришь? А ну бросай! Курить – здоровью вредить.

Он заставил ее разжать пальцы и выронить окурок. Электричка замедлила ход, и в этот момент в тамбур выскочил один из тех двоих, спешивших с противоположного конца вагона. Локис развернулся к нападавшему и опрокинул его коротким прямым ударом в челюсть. Подручный вихлястого содрогнулся всем телом и рухнул назад в вагон, прямо на руки своему приятелю, бежавшему следом. И тот сразу занялся травмированным товарищем, не изъявляя абсолютно никакого желания общаться с крутым парнем в вязаной шапочке.

Электричка остановилась, и двери с шипением открылись.

– Пошли домой, малая! – строго сказал Володя.

– Я не пойду, – отмахнулась Зойка. – Мне обещали принести!

– Что тебе обещали? Пошли! Конечная!

– Они обещали! Барбадос! Они обещали барбадос!¹ – неожиданно завопила девушка. – Ты что, не видишь, что у меня абстjak?!² Уходи! Уходи!

– Нет уж! Мы пойдем вместе, – безапелляционно заявил Локис, сгреб девушку в охапку и выволок из вагона на перрон.

Зойка попыталась вырваться, но вдруг перестала сопротивляться, обмякла, и почти до самого дома Володе пришлось тащить ее на себе.

¹ Барбадос – героин.

² Абстjak – ощущение наркотического голода на жаргоне наркоманов. – (Здесь и далее примечания автора)

2

С вертолета коричневые горы казались застывшими волнами, между которыми узкой лентой петляла грунтовая дорога. Вертолет летел над колонной, состоящей из полутора десятка бронемашин, раскрашенных в желто-коричневые и бледно-зеленые узоры, и восьми тягачей, тянувших за собой белые вагончики-трейлеры.

На бортах боевых машин пехоты были отчетливо видны четыре латинские буквы ISAF. Эта аббревиатура расшифровывалась как International Security Assistance Force – Международные силы содействия безопасности. В состав ISAF, действующих в Афганистане с санкции Организации Объединенных Наций, входили подразделения многих государств, чьи правительства решили оказать помощь этой многострадальной стране в деле восстановления долгожданного мира и спокойствия. Рабочим языком международных сил, естественно, был английский. И в головной бронемашине разговор велся именно на этом языке.

– Командир! – обратился к начальнику молодой офицер с яркими пятнами румянца на бледном лице, которые обычно бывают у всех рыжеволосых людей. – А к чему такое прикрытие? Кроме вертолета еще и бундесверовский самолет-разведчик? Можно подумать, в колонне бог знает какой груз. Это же все деньги, один самолето-вылет «Торнадо» чего сто-

ит? И почему о конечном пункте стало известно в самый последний момент?

Сорокалетний грузный майор Рэдманс с нескрываемой иронией посмотрел на юного конопатого секунд-лейтенанта³.

– Ты тут недавно, парень, многого еще не знаешь! Не спеши с выводами.

Секунд-лейтенант Уэльс подвигал белесыми бровями и обиженно отвернулся, надув губы. Совсем как капризный школьник, получивший плохую оценку за невыученный урок, но считающий, что учитель просто придирается к нему. «Да, паренек, в тебе, видимо, немало спеси», – подумал майор и сказал вслух:

– Восток дело тонкое. Как ты думаешь, Томми, эти бородастые моджахеды с нами только из-за идеологических разногласий воюют?

– Фанатики, что с них взять, – выдал свою версию юноша. – Темные невежественные люди. Таким задурить голову нетрудно.

– Задурить? Легко сказать! Все не так просто, лейтенант. Совсем не просто. Цена этого фанатизма – сотни миллионов долларов. Вот что подпитывает эту войну.

– Откуда такие суммы? В этом нищем краю? Ведь им даже есть нечего! Тут вся деревня не стоит и пятиста фунтов.

– Не торопись с выводами, Томми. В деревне, куда мы на-

³ Младший лейтенант в британской армии.

правляемся, ты все увидишь собственными глазами и тогда поймешь.

– Что именно?

– Сколько на самом деле может стоять деревня в Афганистане. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

– Не понимаю. Здесь, где практически нет воды и плодородной земли?

– Подожди. Сейчас все сам увидишь...

Колонна проехала горный район и начала спуск в долину. Солдаты в бронемашинах уперлись ногами в пол. Вертолет увеличил скорость и, оставив позади колонну, спустился в долину, покружился над ней и вернулся назад.

– Командир, летчики докладывают, угрозы нет, – сообщил конопатый Уэльс, который поддерживал связь с вертолетом.

– Прекрасно, – отозвался майор. – Не люблю, когда угрожают.

Дорога вела вниз к небольшому кишлаку, состоящему из нескольких глинобитных строений, окруженных оградами высотой в человеческий рост. Эти ограды – дувалы, слепленные из глины, смешанной с рубленой соломой, песком и мелкими камнями, поднимались друг над другом уступами. Из-за оград выглядывали плоские крыши невысоких жилищ и чахлые деревца.

Неподалеку от кишлака с гор в долину бежал узкий извилистый ручей, вдоль которого кое-где зеленел скудный кустарник, отчетливо выделяющийся на фоне желтого песка и

темных камней. Ручей огибал селение и, сделав почти полную петлю, устремлялся еще ниже, теряясь среди округлых холмов.

За кишлаком вновь начинался горный массив. Холмы, затем скалы, и за ними, далеко на горизонте, на фоне чистого синего неба белым рафинадом сверкали снежные вершины.

Заметив приближение колонны, жители кишлака высыпали на улицы. В основном это были дети и бородатые тощие мужчины в традиционной афганской одежде – длинных светлых рубахах и черных жилетках. На головах у некоторых были чалмы, но в основном все мужчины носили «паколи» – похожие на береты коричневые шапки. Женщин не было видно, лишь на несколько секунд промелькнула фигура в чадре. Зато было много детишек – суматошных и крикливых.

Судя по внешнему виду местных жителей, к словам опытного офицера о том, что здешние деревни стоят гораздо более пятисот фунтов, следовало бы отнестись с большим сомнением.

Однако майор, несомненно, знал, о чем говорил.

Бронетранспортеры ISAF заняли позицию по периметру кишлака, полностью блокировав селение. Из громкоговорителя несколько раз прозвучал записанный на магнитофон запрет выходить за пределы оцепления. Сначала по-английски, а затем на пушту и дари. Над кишлаком кружил вертолет, готовый обрушить залп ракет «воздух – земля» при лю-

бой попытке оказать вооруженное сопротивление.

– Ну, мы как американцы во Вьетнаме, – пробурчал рыжеволосый секунд-лейтенант Уэльс, чья буйная шевелюра была почти целиком упрятана под армейский шлем, но все же местами выбивалась из-под него. – Сейчас еще начнем все напалмом поливать.

– Самое интересное, что ты не ошибся, Томми, – усмехнулся Рэдманс, взглянув на недовольного юнца. – Будет красиво.

Головная бронемашина, в которой находились майор и юный офицер, проехав по центральной улице кишлака, выбралась на его окраину, за которой начинались поля.

– Какая красота! – невольно вырвалось у конопатого, когда он приник к окулярам перископа. В глаза бросился сплошной ковер красных цветов, расстилающийся на бугристом поле за кишлаком. – Это маки! – сообщил он майору, оторвавшись от окуляров. – Ей богу, маки. Так много!

– Да, Томми, это маки, – не удивился старший по званию. – Райский цветок. Сколько гектаров здесь, по-твоему?

– Думаю, не менее двадцати.

– Вот теперь умножь двадцать на двенадцать тысяч.

– Ну, это, – замялся секунд-лейтенант, – сейчас... Ну это, где-то... двести сорок тысяч. Да?

– Да, сынок, – добродушно согласился майор и подвел итог: – Это поле стоит не менее четверти миллиона долларов. Каждый гектар, засеянный опиумным маком, приносит

не менее двенадцати тысяч долларов.

– Наркотики?

– Ты удивительно, догадлив, Томми. А сейчас на наших глазах четверть миллиона долларов превратятся в пепел.

Майор Рэдманс отдал приказ, и группа солдат, выбравшись из бронемашины, начала выжигать маковое поле ранцевыми огнеметами. Чистое синее небо окуталось черным дымом. Через полчаса все было закончено – от прекрасных цветов на бугристом поле остался только пепел.

После того как закончилась операция по уничтожению посевов мака, бронемашины съехали на окраину кишлака. Военные стали отцеплять трейлеры от тягачей, выстраивая жилые дома на колесах в круг. Здесь миротворцам предстояло прожить некоторое время, за которое нужно было установить дружеские отношения с аборигенами и убедить их выращивать на своих полях продовольственные культуры, а не опиумный мак.

Задача была нелегкой, если вообще реальной. Кишлак походил на растревоженный улей. На приличном расстоянии от бронемашин собиралась толпа местных жителей, причем в первых рядах были невесты откуда взявшиеся женщины, скрывавшие свои лица чадрой или платками хиджабами. Афганцы выкрикивали какие-то проклятия и ругательства на своем языке и, казалось, готовы были закидать миротворцев камнями. Но это были пустые угрозы, по крайней мере, на данный момент. Силы были слишком неравны.

Среди афганцев обращал на себя внимание подвижный молодой человек, не более двадцати лет от роду, с выдавшим виды мобильным телефоном в руке. Он бесстрашно преодолел расстояние, разделявшее толпу местных жителей и военных, без робости сновал между миротворцами и даже взобрался на головную бронемашину, все это время не переставая щелкая встроенной в телефоны фотокамерой.

Рэдманс прогнал юнца, выразительно потянувшись к автомату:

– А ну пошел вон, засранец!

Вертлявый афганец мгновенно затерялся в толпе соплеменников.

Секонд-лейтенант удивился:

– За что вы его так? Кому он тут мешает!

– Слушай, откуда ты взялся? Ты чем вообще до Афганистана занимался? – неожиданно поинтересовался майор.

– Военную академию окончил... Сандхарст... В отпуск пошел... клубы, дискотеки, девочки...

Уэльс, казалось, был несколько обескуражен вопросом и не нашел сразу точного ответа. Или не захотел его найти. Его розовощекое лицо стало совсем красным, так что светло-коричневые веснушки-конопатинки перестали выделяться на его щеках, от которых, кажется, могла бы сама по себе вспыхнуть спичка, если поднести ее к ним.

– А у меня это уже четвертая командировка, – веско сказал старший офицер, по-своему расценив замешательство

подчиненного. – Ты лучше меня слушай... Будет больше шансов живым отсюда выбраться. Мы здесь вроде как мир поддерживаем, но для этих людей мы враги, которых мы лишаем приличных доходов. И если мы не будем соблюдать элементарные правила безопасности, наша миссия может закончиться весьма печально. Понял?

– Да, сэр!

– Раз понял, готовь боевое охранение. К трейлерам ни днем ни ночью ни одна живая душа не должна приближаться без нашего ведома и разрешения. Понятно?

– Да, сэр!

– Выполняй приказ.

– Слушаюсь, сэр!

3

– Хау мэни тэнкс ар ин е бэйс? Повторяю: хау мэни тэнкс ар ин е бэйс? То есть сколько танков на вашей базе? Блин! Язык сломать можно! Нет бы по-человечески сказать – танк, так нет же – тэнк. Тэнк! Так, а я чего должен говорить? Зыс из милитари сикрит! Во! Ни хрена вам не скажу, это военная тайна. – Локис оторвался от потрепанного самоучителя и крикнул в проем кухонной двери: – Мам, блинчики скоро?

– Успеешь, – с притворной строгостью отозвалась Анна Тимофеевна. – Как маленький!

На самом деле, с тех пор как сын вновь вернулся в армию на контрактную службу, у нее нечасто появлялась счастливая возможность приготовить ему завтрак. Вроде и служил неподалеку от дома, в Балашихе, и, как рассказывал, служил на вещевом складе, но все же очень часто его отправляли в командировки на полигон. Где этот полигон? Говорит, что во Владимирской области, – недалеко ведь, а мобильный вечно недоступен. Чужало ее сердце, недоговаривает чего-то ее Вовка, но разве от него правды добыешься. Приезжал иногда посреди зимы загоревший и тощий, смеялся, что солнечно у них там во Владимирской области. Чудеса, ей-богу, в Балашихе пасмурно и слякотно, а через двести километров – солнце. Может, не на полигон командировки те были, а на Кавказ, в Чечню эту? Или еще куда дальше?

Гнала от себя дурные мысли Анна Тимофеевна, да только как их выгонишь: их в дверь, а они в окно! На тарелке у газовой плиты уже скопилась горка блинчиков, но мать не спешила звать сына, начнет хватать горячее, а ведь это для желудка вредно.

– Хау зэй кол командэр оф е дивижн? Я тебя спрашиваю, гад ты этакий: хау зэй кол командэр оф е дивижн?

Вовка, время от времени подглядывая в самоучитель, корчил зверскую рожу перед зеркалом.

– А я ему гордо так: зыс из милитари сикрит! На-кася выкуси! Я же тебе сказал, это военная тайна! Не скажу, как зовут командира. Не скажу! Зыс из милитари сикрит!

– Ну вот, я же говорила, как маленький! Так и есть, стоит и перед зеркалом кривляется, – добродушно сказала мать, внося тарелку с румяными блинчиками в комнату сына.

– Мам, ну че ты сюда несешь, я б на кухне поел.

– Здесь поешь, – возразила мать. – Мне самой развернуться негде, на двух сковородках жарю, мешать только будешь.

Действительно, на шестиметровой кухне двухкомнатной квартиры, в которой они много лет после гибели Володиного отца жили вдвоем, в последнее время стало особенно тесно. Сын на свою зарплату контрактника купил и холодильник «Стинол» – почти под самый потолок, и стиральную машину «Самсунг», которую тоже установили на кухне, потому как в маленькой ванной вообще не было места для нее. Зато все как у людей теперь. Вырос добытчик. Настоящий мужчина

в доме. Живи и радуйся, если б не командировки эти странные.

Так что хоть и приятно ей было смотреть на сына, когда тот с неизменным аппетитом поедал ее стряпню, но на кухне места не было. Что поделаться, пускай лучше у себя в комнате нормально поест.

– Отодвинь тетрадки, а то запачкаешь еще. Что принести, сметану или клубничное варенье?

– Класс! И того и другого, – совсем как Винни Пух из мультфильма ответил Володя.

– Сладкоежка, – отметила с добродушной улыбкой мать. – Как ты в своей армии без сладкого обходишься?

– Мам, у нас сладкого навалом, – с энтузиазмом заверил ее Володя. – Сейчас даже солдатам срочной службе апельсины в обед дают по две штуки на брата, а нашему брату контрактнику случается, что и по плитке шоколада перепадает. Я ж приносил домой, ты ж помнишь.

– Сказки мне все рассказываешь, думаешь, мать твоя совсем глупая, – вздохнула Анна Тимофеевна и пошла за сметаной и вареньем на кухню.

Вернувшись и расставив тарелки на столе, она спросила Володю:

– Сынок, а зачем ты язык свой ломаешь? Для чего тебе этот английский? Может, в институт все-таки надумал поступать? Хорошо бы...

– Мам! Таких не берут в институты!

– Все шутишь, надсмехаешься над матерью. Слышь, вроде воеет кто-то наверху?

Локис прислушался.

– Да коты это, наверное, мам.

– Какие коты, не март же!

– Мам! Сейчас коты на март не ориентируются. У них сексуальная революция.

– Срамник ты, Вовка! Матери такое говорить.

– Я ж ничего такого! Мам, блинчики просто класс! Отпад!

– Я еще принесу.

– Давай!

Анна Тимофеевна положила на тарелку очередную порцию блинчиков и замерла. Откуда-то сверху через открытую форточку вновь донесся звериный жалобный вой, как будто какому-то животному заливали в горло расплавленный металл. Однако этот странный пугающий звук вскоре стих и больше не повторился. Недоуменно покачав головой, мать вернулась в комнату сына.

– Увэ зэ е рокит инсталэйшн из? Где находится ваша ракетная установка? Отвечай, гад! – Володька вновь кривлялся перед зеркалом. – Зыс из милитари сикрит!

– Сынок, ну зачем тебе тогда этот английский, раз ты в институт поступать не собираешься?

– Культурный человек должен владеть иностранными языками! – справедливо заметил Локис.

– И где ты его на своей службе собираешься применять?

Ты ведь на складе работаешь!

– Ну, мало ли... А вдруг в нашу воинскую часть английская королева пожалует и на склад зайдет! – пошутил Володя.

Душераздирающий стон, очень громкий и протяжный, прозвучал на этот раз совсем рядом.

– Слышишь? – испуганно сказала мать. – Это не коты!

– Да что за хренотень такая? – всерьез озадачился Локис и, распахнув дверь, выскочил из комнаты на застекленный балкон.

Оттуда он увидел, что под его балконом собралась уже небольшая толпа. Люди, задрав головы, смотрели куда-то вверх. Что-то явно происходило в его доме на одном из верхних этажей. Володя заметил в толпе знакомое лицо и, открыв створку балконного окна, высунулся наружу:

– Мишка, че там?

– Цирк! – ответил рыжий румяный парень. Он мельком взглянул на Локиса и продолжил пялиться куда-то вверх.

Локис попытался разглядеть, что же там наверху все-таки происходит, но с его балкона ничего не было видно.

– Какой цирк? – опять потревожил он своего дворового приятеля, который был младше его на четыре года.

– Да Зойка представление показывает, – неохотно отрываясь от зрелища, наконец снизошел до подробностей Мишка.

– Говори толком, какое представление? – рассердился не на шутку Володя.

– Ну, Зойка Черненкова с шестого этажа обнаженную натуру показывает! Голая на балконе скачет! Совсем голая! В чем мать родила! Цирк!

– Зачем скачет?

– А хрен ее знает! Небось обкололась вдрызг. Глянь, через перила ногу перекидывает!

Люди, стоявшие внизу, вдруг сделали несколько шагов назад. Володька стремглав бросился к входной двери.

– Сынок, ты куда? – крикнула ему вослед мать, но он ее уже не слышал, он стремительно преодолевал лестничные пролеты, торопясь вверх на шестой этаж.

Зойку Черненкову, которую он несколько дней назад со станции притащил практически на себе, Локис знал с самого детства. Она была одноклассницей того самого Мишки, который стоял сейчас под ее балконом. Белесая девочка с двумя аккуратными косичками выглядела всегда очень опрятно. Ее форменное платьице или летний сарафанчик были всегда чистыми и идеально выглаженными, даже когда она возвращалась со школьных уроков или шла с городского пляжа. «Порода!» – восхищенно говорили бабушки на скамейке у подъезда, провожая ее взглядом.

Родители у Зойки были учителями, и их семья считалась образцовой, даже по строгим меркам местной общественности. Ее отец, преподававший физику, сухощавый и стройный мужчина, ко всем без исключения обращался на «вы», но отнюдь не был интеллигентом-белоручкой. Именно он посадил

в их дворе десятка два деревьев и долгое время ухаживал за ними. Именно он практически в одиночку оборудовал для детей небольшую спортивную площадку. Только благодаря его стараниям двор выглядел теперь так привлекательно.

Зойкину мать, преподавательницу русского языка и литературы, в один голос хвалили все их соседки по лестничной площадке за ее педантичную приверженность чистоте. Она всегда добросовестно убиралась на лестничной площадке, которую принято было убирать по графику. Соседи Черенковых с графиком не очень-то считались, потому как знали, что училка в любом случае подметет, помоеет лестницу и площадку, а главное, никогда не упрекнет их за нерадение.

Зойка пошла по родительским стопам – поступила в один из педагогических институтов в Москве. Она жила в Москве в общежитии. Но, проучившись курс, вернулась домой совсем другим человеком. По району ходили слухи, надо полагать, небезосновательные, что девушка в столице за один год стала законченной наркоманкой. Отец ее как-то сразу сгорбился и сильно похудел, мать перестала следить за порядком на лестничной площадке, да и в доме у них, как говорили, давно уже не было прежней стерильной чистоты. Не до того, видно, было.

Саму Зойку на улице практически не видели, а когда видели, то не все узнавали. Она очень изменилась, превратившись в одночасье из юной улыбчивой девушки в выдавшую виды женщину с бледной нездоровой кожей и потух-

шим взглядом, которой никак не дашь меньше тридцати.

Локис, преодолевший за считанные секунды несколько лестничных маршей, с ходу ударил плечом в дверь квартиры Черненковых. Однако металлическая дверь была заперта.

– Блин! – Володька хотел было нажать на кнопку звонка, но тут же передумал. Кто знает как отреагирует на звонок Зойка, которая, видимо, была одна в квартире. Если под кайфом, может и в самом деле сигануть с балкона, хотя, скорее всего, крыша у нее поехала не от наркоты, а от ее отсутствия.

Локис помчался вниз.

Народу во дворе стало еще больше.

– Пожарных надо вызвать, – сказал кто-то.

– Вызвали уже эмчээсников, и «Скорую» тоже вызвали, – ответили ему.

– «Скорая» в самый раз будет.

– Да, хрен пожарники успеют.

– Господи, да что же это такое делается, – выдохнула с плачем какая-то старушка.

Абсолютно голая Зойка Черненкова сидела на металлических перилах балкона, свесив ноги вниз и держась руками за бельевые веревки. Она сидела с закрытыми глазами и раскачивалась, и амплитуда ее раскачиваний становилась все больше и больше. В любой момент она могла свалиться вниз, и тогда бы произошло непоправимое.

Локис принялся крутить головой во все стороны, ища что-нибудь, что помогло бы предотвратить трагедию. И он на-

шел! Одна из машин, стоявших во дворе, была накрыта брезентовым чехлом. Володя бросился к этой машине и стал стаскивать тяжелый от утренней росы брезент.

– Ты что делаешь? – завопил какой-то лысый мужик в красной тенниске и кинулся с кулаками на Локиса. – Это ж мое!

– Помоги лучше!

Мужик оторопело уставился на Володьку, но потом до него дошло – он схватился за брезент, и вдвоем они быстро стащили его с желтых «Жигулей».

На подмогу бросился Мишка и еще какой-то парень. Вместе они растянули брезент под балконом, и сделали это как раз вовремя. Зойка, издав очередной истошный вопль, наклонилась вниз и, разжав пальцы, державшие бельевую веревку, кувыркнулась с балкона.

– Держим! Держим! – закричал Локис, увидев краем глаза, как в одно мгновение Мишкино лицо стало мертвенно-белым.

Они бы удержали, если бы Мишка в последний момент, испугавшись, что Зойка упадет прямо на него, не выпустил свой край брезента и не отскочил в сторону. Полотнище было не очень большим, и, хотя Зойка упала точно в его центр, Мишкина трусость сыграла роковую роль – Зойка соскользнула с брезента и ударилась головой о землю. У нее изо рта тут же потекла тоненькая струйка крови.

– Не трогайте ее! – закричал Локис, когда сердобольная

старушка наклонилась над девушкой, чтобы поправить ей голову, неестественно вывернутую набок. – Не трогайте! Нельзя! Позвоночник!

В это время, надрывно оглашая воздух сиреной, во двор въехала «Скорая помощь», а следом за ней большая красная машина спасателей.

4

Солнце клонилось к закату, освещая красноватым светом стены старой глинобитной крепости, расположенной вблизи от древнего Герата – города гораздо более древнего, чем большинство европейских столиц. Некогда этот город был важным центром Великого шелкового пути. Тут жили и творили многие прославленные ученые и поэты Востока. Здесь сохранилось немало памятников истории и архитектуры мирового значения.

В наши дни основное население этого города и одноименной провинции на северо-западе Афганистана – это таджики, а пуштуны, которые преобладают на всей остальной территории страны, здесь считаются национальным меньшинством. Старая крепость, расположенная в пятнадцати километрах от Герата, была резиденцией таджикского полевого командира, воевавшего когда-то против «шурави» – советских войск, введенных в Афганистан, а затем и против талибов, которые в основной своей массе были пуштунами.

Несмотря на то, что сейчас на истерзанной многолетней войной земле воцарился, наконец, относительный мир, Насрулло – так звали полевого командира – отнюдь не спешил разоружать и распускать свою небольшую, но закаленную в боях армию, состоявшую из отъявленных головорезов, которые внушали ужас окрестным крестьянам и держали их

в безропотном повиновении. Правительственные войска Ха-мида Карзая избегали вторжений на территорию, подконтрольную Насрулло.

Внутри самой крепости, несмотря на ее средневековый внешний вид, в помещениях, принадлежавших Насрулло и его многочисленной семье, уровень комфорта ничем не уступал уровню пятизвездочных отелей.

В одной из многочисленных комнат крепости, в которой не было окон, но была прекрасная вентиляция, Насрулло, облаченный в традиционный таджикский халат «джома», изготовленный из чистого хлопка, принимал гостя.

– Ассалам а алейкум! – приветствовал гостя хозяин.

– Ва аляйкум ас-салям ва рахматуллаху, – ответил тот – его произношение свидетельствовало о том, что был он явно не из этих мест. Гость скорее всего был европейцем с южных берегов Средиземного моря.

– У вас все в порядке, уважаемый Беким? Жена и дети здоровы?

– Спасибо, достопочтенный Насрулло. А как поживает ваше драгоценное семейство? – в свою очередь поинтересовался черноусый и смуглолицый крепыш, носивший албанское имя Беким.

После достаточно продолжительного обмена любезностями наконец заговорили о том, ради чего, собственно, и приехал издалека черноусый гость.

– Вы остались довольны качеством товара последней пар-

тии? – спросил Насрулло.

– О, да! Прекрасное качество. Три девятки. Не было никаких проблем. На Севере его охотно покупают.

– И к чему было столько воевать, чтобы оценить качество нашего порошка, – зло усмехнулся Насрулло. – Теперь неверные в России его охотно покупают.

– Еще как! – подтвердил албанец. – И чем больше его урусы покупают, тем лучше для нас с вами, достопочтенный Насрулло.

Полевой командир важно кивнул головой в знак согласия и хлопнул в ладоши.

Низко кланяясь, в комнату вошел молодой таджик с аккуратно подстриженной бородкой, протянул хозяину небольшой пакетик и тут же удалился. Насрулло, вскрыв пакетик, протянул его Бекиму.

Албанец, облизнув палец, сунул его в пакетик, а затем поднес палец к носу и понюхал, хищно раздувая ноздри. Затем положил палец себе на язык. Закрыв глаза, чтобы отвлечься от внешних раздражителей, и прислушивался к ощущениям. Напоследок гость растер остатки порошка на ладони и оценил результат.

– Не хуже, чем в прошлый раз, – осторожно произнес свой вердикт Беким. – Надеюсь, и цена будет такой же? Двести тысяч?

– Цены не любят стоять на месте, уважаемый. Все дорожает, а доллар становится дешевле. Двести пятьдесят.

– Ну что вы, уважаемый Насрулло, – мягко возразил албанец. – Товар стоит столько, сколько он стоит. Я не могу продать порошок дороже, чем за него могут дать.

– Вы выручаете за героин в России во много раз больше той суммы, за которую покупаете его у меня.

– Крайне редко, крайне редко такое может случиться, – посетовал Беким. – Очень трудно что-то заработать. Слишком длинная дорога, слишком много потерь, и везде надо давать бакшиш. Двести пять. Это все, что я могу заплатить.

Поторговавшись, скорее для приличия и соблюдения древнего восточного ритуала, гость и хозяин сошлись на двухстах пятнадцати тысячах долларов. И начали оговаривать детали операции.

– Транспорт мой, упаковка ваша. Как обычно? – уточнил албанец.

– Как обычно, – подтвердил Насрулло. – Маршрут прежний? А как же...

– Пока без сбоев, хотя появились и свои сложности. – Бекиму явно не хотелось развивать тему.

– Это ваши сложности.

– Да, конечно, мои. Вас они не касаются, уважаемый.

– В добрый путь.

В дверном проеме бесшумной тенью мелькнул таджик с аккуратно подстриженной бородкой, но в комнату не вошел, поклонился низко Насрулло и исчез.

– Угощайтесь, уважаемый, – хозяин указал на блюдо с во-

сточными сладостями. – Я ненадолго покину вас.

– Не беспокойтесь, достопочтенный Насрулло.

Пройдя коротким и темным коридором в соседнюю комнату, полевой командир властно спросил у поджидавшего его там таджика, который, увидев Насрулло, сразу упал на колени и распростерся на полу в униженной позе:

– Что случилось? Ты не мог подождать?!

– Простите, господин! Дурные вести. Неверные сожгли целое поле у кишлака Бахоршох.

– Шайтан! Кто это сделал? Неверные должны быть наказаны!

– Они хорошо вооружены, господин. Это будет нелегко. Мы можем потерять много людей. Наш человек сделал фотографии неверных. И мы уже знаем имена многих из них. Сейчас просматриваем Интернет в поисках возможной информации на каждого из них. Кое-что уже нашли.

Молодой таджик протянул Насрулло распечатанные снимки, которые сделал юнец, крутившийся возле солдат из отряда ISAF, и список солдат и офицеров с указаниями воинских частей, в которых те служили. Благодаря фотографиям это было сделать нетрудно: шевроны на рукавах военных указывали на принадлежность к конкретной воинской части, а кроме того, на хэбэшках были вышиты фамилии военных.

Насрулло, вновь придав лицу невозмутимый вид, вернулся в комнату к гостю.

– Уважаемый Беким, раз вы так долго живете в Европе,

вы многое знаете.

– Я знаю, что знаю очень мало, – поскромничал албанец.

– И многое можете.

– То, что в моих силах. Но не более.

– Если я дам вам список фамилий этих военных, – Насрулло выложил веером фотографии на низком столике, – вы сумеете найти дома, где живут их семьи?

– В наше время многое возможно! – многозначительно заверил гость. – В Европе все люди на виду, хотят они этого или нет.

Албанец быстро сообразил, что у Насрулло тоже возникли проблемы и тот хочет решить их привычным средневековым способом, которым не раз заставлял покоряться врагов здесь, в Афганистане. Чтобы заставить своих врагов подчиняться ему, он обычно брал в заложники их родственников. «В Европе это будет сложнее, – с ехидством подумал Беким, – но это уже не мои проблемы».

Гость раскладывал снимки на столе, словно игральные карты. И вдруг задержался взглядом на фотографии конопатого лейтенанта.

– У вас есть Интернет, почтенный Насрулло?

– Да, уважаемый. У нас все есть. Вам нужно с кем-то связаться?

– Хотелось бы посмотреть один сайт.

Хозяин с безучастным видом хлопнул в ладоши и в проеме двери появилась сгорбленная фигура молодого таджика.

Спустя несколько минут перед Бекимом на низком столике стоял раскрытый ноутбук. Компьютер через спутниковую антенну имел выход во Всемирную паутину. Пальцы албанца быстро забегали по клавиатуре. На долю секунды Беким вдруг замер, вглядываясь в изображение на экране, которое Насрулло видеть не мог, но всего на долю секунд, затем его пальцы опять стали выбивать на клавиатуре какой-то текст. А потом он и вовсе закрыл ноутбук.

– Нашли, что хотели? – поинтересовался хозяин.

– Нет. Мне показалось, – быстро ответил Беким.

От Насрулло не укрылось, что албанец узнал нечто важное, но не хочет об этом рассказывать. И это было правильно с точки зрения албанца, поэтому полевой командир его не осудил. Но и сам не подал виду, будто что-либо заметил.

5

Происшествие с Зойкой Черненковой надолго взбудоражило дворовую общественность. Оно дало благодатную почву для сплетен и пересудов, многочисленные свидетельства очевидцев по сто раз на дню обсуждались. И каждый участник или чаще участница этих обсуждений претендовали на истину в последней инстанции.

– Я вам так скажу, – авторитетно заявляла тетя Агаша с первого этажа. – В тихом омуте черти водятся. А чужая душа – потемки. Не все, значит, ладно, промеж учителей было. Наружу просто не выходило.

– Да ладно тебе, – возражала ей Мария Петровна из соседней пятиэтажки. – Сама ж говорила, какая семья, какая семья!

– В том-то и дело, что сразу ничего понять невозможно. А теперь, как все наружу вылезло, смекаю, в чем дело.

– Ну и в чем?

– Учителя, видать, были тайными алкоголиками! А яблоко от яблони недалеко падает. Белая горячка у Зойки была! Вон невестка Антоновых, что со второго подъезда, – медсестра, – она сразу сказала: тут гадать нечего – белая горячка. А она все-таки медик как-никак!

– Белая горячка от водки бывает, а не от наркотиков, – твердо стояла на своей точке зрения Мария Петровна. – А

Зойка водки не пила, это все знают. И родителей ее никогда и никто пьяными не видел. С тех самых пор, как они тут живут. И нечего напраслину на людей возводить – такое горе у людей.

– Горе, – согласилась тетя Агаша. – Зойка теперь все равно пропала, даже если и не помрет. Это, считай, конченный человек.

– И вовсе даже не конченный, я по телевизору видела – избавляют их от этой зависимости. Конечно, только тех, которые сами этого хотят. Которые не хотят – с ними что в лоб, что по лбу – опять за свое возьмутся, как ни лечи.

– Вот и я о том же, – горестно вздохнула Агаша. – Толку от Зойки никакого не будет. Напрасно Анькин Вовка ее спасать кинулся.

– И ничего не напрасно. Если б не Мишка ваш, она б даже в больницу не попала. Это он свой край отпустил, а она и слетела с брезента.

– По-твоему, лучше было бы, если б она нашего Мишку насмерть зашибла? – возмутилась тетя Агаша. – Сама б разбилась и Мишку нашего с собой на тот свет забрала? Так, по-твоему?

– Нет, не так, – пошла на попятную соседка. – Конечно, не так. Упаси бог!

– Мы, если хочешь знать, Мишке дома такую баню устроили, что ой-ей-ей! Зять ему чуть в глаз не заехал, дочка еле оттащила. Чего полез? Его какое дело? Что ему до той Зой-

ки?

– В школу ходили вместе.

– И что с того?

– Ну, вишь, люди не на один копыл сделаны. Вовка Локис вон не думал, как и что, он же старше ее насколько, а все равно кинулся спасать, и хорошо так сообразил с брезентом этим.

– Так военный! Учат их, должно быть.

К подъезду подошла Анна Тимофеевна, возвращавшаяся с покупками из продуктового магазина, и сразу была вовлечена в дискуссию.

– Вот, Аннушка, Агаша говорит, что, мол, напрасно Володька твой Зойку спасал, – остановила Локис Мария Петровна. – Наркомановка она, и толку от нее никакого не будет.

– Ну как так можно, соседушки, милые мои! Ведь даже грех думать так. Живая душа ведь, как можно? – запричитала Анна Тимофеевна. – Ведь собаку и то жалко, а тут живой человек. Молодая еще. Может, и образумится. Вся жизнь впереди.

– Конченный она человек, конченный, – упорствовала Агаша. – Чем скорее эти самые наркоманы себя порешат, тем лучше и для них, и для окружающих. Меньше этой будет заразы.

– Нет уж, Агаша, извини, соседка моя дорогая, что-то ты не то говоришь! – решительно ответила Анна Тимофеевна.

– Ты чего возмущаешься, мам? – тронул ее за плечо сын,

подошедший вслед за ней к подъезду. Он улыбнулся соседкам: – Нервные клетки не восстанавливаются.

– Да вот, Володя, тетя Агаша говорит, что напрасно ты, сынок, суетился. Не надо было Зоеньку ловить, спасать не надо было, – чуть не плача пожаловалась ему Анна Тимофеевна. – Сама, мол, виновата.

– Виновата, конечно, – посерьезнел Володя. – Только я ее не виню. По молодости многое хочется попробовать, по себе знаю. Только вот оказалась рядом с ней сволочь, которая предложила попробовать ей именно наркотик. Вот таких сволочей я бы убивал на месте. Нечего с ними цацкаться. От них все зло.

Уже у себя в квартире Анна Тимофеевна сказала сыну:

– Ты бы сходил навестил Зою. Как-то тягостно мне на душе от этих разговоров. Зоеньке и так сейчас тяжело, а тут пересуды всякие. Сходи, сынок, не ленись. Вон купили в магазине бананов, апельсинов – занеси ей. Мы еще купим.

– Хорошо, мама, – легко согласился Володя. – Я и сам хотел. Сейчас перекушу и сбегаяю.

Центральная районная больница в Балашихе располагалась на их улице, но только в другом конце, примерно в полкилометре от их дома. Володя с целлофановым пакетом в руке, в который мать положила фрукты, пробежал это расстояние всего за несколько минут. Но все-таки опоздал.

– Вы кем ей приходитесь? – спросил молодой чернявый доктор, немного помятый и небритый – очевидно, после ноч-

ного дежурства.

– Никем, в общем-то, – замялся Локис. – Соседом. В одну школу когда-то ходили. Только она младше была на несколько лет. Хорошая девчонка.

– Нету больше вашей хорошей девчонки, – отрезал доктор и наморщил нос, как будто собирался чихнуть.

– Как нет?

– Так. Отдала богу душу.

– Зойка умерла?! Не выходили, значит?!

– Не выходили. Ее и выхаживать не надо было! В рубашке, можно сказать, родилась – с такой высоты сиганула, и без серьезных повреждений. Говорят, поймали ее внизу.

– Ну да, поймали, – озадаченно подтвердил Володя. – И что потом?

– Суп с котом! – отчего-то разозлился доктор и почесал свой нос. – Оставили в больнице на всякий пожарный, ну там, на случай, если вдруг внутреннее кровотечение или еще какие-то осложнения.

– И что?

– А то, что какой-то гад подогнал ей наркоту. Она и укололась, вот только доза непростая была, а «золотая» – как они там говорят. Укололась, и все. Типичная передозировка. Кололась бы дома, если так приспичило, так нет – у нас. Теперь прокуратура всех трясет – показания снимает. Как будто нам больше делать нечего, как со следователями об этой... дуре беседовать.

– Но у нее же не было денег! Ее же голышом «Скорая» в больницу забрала!

– Кому-то, очевидно, очень не хотелось, чтобы она заговорила после своего неудачного прыжка. Милиция все равно поинтересовалась бы, чего это она прыгать надумала. Вот кто-то и подстраховался. Так что опоздали вы, молодой человек. Опоздали.

– Извините, – почему-то извинился Локис и, опустив голову, побрел домой.

«Неспроста у матушки моей на душе тяжело было, видно, почувствовала», – думал он по дороге назад.

Возле стройки нового дома, огороженной сплошным дощатым забором, к нему чуть ли не под ноги бросилась девочка лет четырнадцати в красной курточке:

– Помогите! Помогите!

– Что случилось?

– Там мою подружку Настю! Взрослые!

– Где?

– Там, за забором!

Локис ударом ноги вышиб калитку в заборе и влетел на территорию строительной площадки. За забором никого не было. Володя огляделся по сторонам, и тут его ударили чем-то тяжелым по затылку. Он на несколько секунд потерял сознание. Очнулся он уже на земле, открыл глаза и увидел перед собой блестящее широкое лезвие ножа.

Бритый наголо «качок» в черном кожаном пиджаке сидел

у Локиса на животе. Приставив к горлу нож, он ехидно поинтересовался:

– Ну что, каратист, допрыгался? Опять девочек спасаешь? Как затылок? Не бо-бо? Сейчас перестанет! Ничего чувствовать не будешь! Пипец тебе пришел, каратист!

– Кончай его! Что ты базар разводишь? – нервно спросил у качка топтавшийся рядом вихлястый юнец в длинном темном пальто и широкополой шляпе, потом пнул в висок лежавшего на земле Локиса острым концом туфли. – Кончай!

Но качок сделать ничего не успел – изогнувшись, Володя ногами схватил и зажал его голову, а потом сбросил его с себя. Перекатившись в сторону, Локис вскочил на ноги и резким ударом левой ноги выбил нож из руки качка, который тоже успел встать на ноги. Лезвие зазвенело, ударившись о камень. Вторым ударом – правой в солнечное сплетение – десантник окончательно вырубил своего противника.

Вихлястый юнец, мгновенно оценив обстановку, с неожиданной резвостью побежал к строящемуся зданию. Не мешкая, Локис бросился вдогонку. Вихлястый, расстегивая на ходу пальто и перепрыгивая через ступеньки, помчался вверх по лестнице, которая вела на крышу девятиэтажки. Между четвертым и пятым этажом юнец снял с себя пальто и кинул его в голову Локису, но тот увернулся и продолжил преследование.

Выскочив на крышу, вихлястый засуетился: бежать больше некуда, и Локис уже был на крыше.

– Не подходи! – истерично взвизгнул юнец, пятясь от десантника.

– Запрещаешь, значит? Где девочка?

– Какая девочка? – спросила вихлястый, продолжая пятиться, судорожно оглядываясь по сторонам.

– Девочка Настя, которую вы сюда затащили?

– Не было никакой девочки, ты на подсадную утку клюнул! – оправдывался юнец, пятясь к краю крыши, который был уже совсем близко. – Тебя сестра моя позвала!

– Ты Зойке наркоту подбросил? – наступал на него десантник.

– Она сама просила! Сама!!! Ты не знаешь, что такое абстак!

– Ах ты, гнида паршивая, – негромко сквозь зубы процедил Локис, медленно надвигаясь на вихлястого.

Вихлястый юнец отступал назад – вдруг он потерял равновесие и, замахав руками, полетел вниз с крыши девятиэтажного дома. Удар о землю оборвал его предсмертный крик.

Володя подошел к краю крыши и посмотрел вниз. Убийца Зойки неподвижно лежал на железобетонной плите, которую не успели убрать строители. Вокруг лысой головы юнца растекалась лужица темной крови.

В это время внизу мелькнула тень. Очнувшийся качок в черном кожаном пиджаке резво перемахнул через забор и побежал прочь от строительной площадки.

6

После построения старший лейтенант Солодовников повел взвод за собой в учебно-тренировочную зону, однако не на стрельбище, как предполагали десантники, а на небольшую утоптанную площадку в песчаном карьере.

В одном конце площадки стоял фанерный стенд, похожий на те, на которых размещают наглядную агитацию. Однако вместо газет и плакатов на нем были закреплены деревянные квадраты, сделанные из опилов бревен. На квадратах были нарисованы черной краской цифры. С обеих сторон стенд был огорожен фанерными щитами, а прямо перед ним на земле были выложены решетчатые резиновые коврики, которые обычно используются в банях и бассейнах.

На расстоянии примерно двенадцати метров от щита был поставлен стол, на котором лежали разнокалиберные ножи. У стола контрактников поджидал мужчина в камуфляже без знаков различия. На левой щеке у него был длинный и глубокий шрам от раны, затянувшейся явно без хирургического вмешательства.

– Вольно, господа десантники, – скомандовал старший лейтенант. – Сегодня у нас будет занятие по метанию холодного оружия. Его проведет товарищ...

– Можете называть меня Анатолий Васильевич, – непривычно тихо и совсем не по-военному сказал инструктор в ка-

муфляже. – Хочу сразу сказать, что это далеко не последнее наше занятие. Но я буду настоятельно рекомендовать вам тренироваться и закреплять навыки еще и самостоятельно.

– А можно вопрос? – спросил Володя.

– Конечно, задавайте, – разрешил Анатолий Васильевич.

– А зачем нам, при наличии самого разнообразного и современного стрелкового оружия, уметь кидать эти самые ножики? Мы ж на спецзадания не в цирк отправляемся, где это умение необходимо, а в другие места, где аплодисментов не бывает. Я понимаю, если б из нас циркачей готовили, тогда другое дело.

– Локис! Ты что себе позволяешь?! – возмутился старший лейтенант Солодовников. – Ты в армии или где? Или как? Цирк?

– Не упрекайте молодого человека, он ни в чем не виноват, – внезапно защитил Локиса инструктор. – А попытайтесь-ка самостоятельно найти ответ на этот вопрос.

– Ну, я не знаю, – слегка растерялся Володя. – Может быть, если нужно бесшумно снять часового, например. Так ведь можно пистолет использовать с глушителем. Не знаю.

– Прекрасно. Это один из вариантов применения холодного оружия в боевой обстановке. Ибо пока ни один из глушителей не может гарантировать абсолютную беззвучность выстрела. А еще?

– Сдаюсь. Не знаю, – смутился Володя.

– Хорошо. Тогда скажу я, а вас попрошу запомнить. Ме-

тание холодного оружия, с целью поражения противника на расстоянии, конечно, экзотика. И тем не менее иногда это единственно возможный способ борьбы. Кто-нибудь может подсказать мне место, где абсолютно неприемлемо применение огнестрельного оружия?

– Самолет? – вдруг осенило Локиса.

– Прекрасно! Вы очень сообразительны, молодой человек, – похвалил Володю инструктор Анатолий Васильевич. – В советское время после первых угонов авиатранспорта на Запад в самолеты стали сажать вооруженного пистолетом милиционера в штатском. Увы, был случай, когда, пытаясь обезвредить террориста, милиционер выстрелами нарушил герметичность салона и систему электроснабжения, что привело к катастрофе лайнера. Если бы милиционер владел искусством метания холодного оружия, трагедии могло бы и не случиться.

– А бросать можно только нож?

– Бросать можно все, что угодно, – нож, заточенную пластину, топор, специальное зубчатое колесо. Техника разная, и эффективность тоже разная. В некоторых случаях не обязательно работать на поражение. Нож, пролетевший в миллиметре от головы противника, может мгновенно утихомирить его, полностью подавить агрессию.

– Класс! – не сдержал эмоции один из десантников – Игорь Колодеев.

– Тихо! – приказал Солодовников и, сдвинув густые бро-

ви, грозно посмотрел на нарушителя.

Инструктор подошел к столу и начал по очереди метать ножи, которые с глухим стуком втыкались в деревянные квадраты и, воткнувшись, продолжал еще некоторое время вибрировать.

– Ну и, наконец, – продолжил человек со шрамом, – нетрудно представить себе ситуации, в которых выполнение боевой задачи зависит от того, удастся ли вывести из строя технические средства противника или нет. Перерубить линии электроснабжения или связи, вывести из строя радиостанцию или навигационные приборы можно одним метким броском ножа.

– Но мне кажется, что можно просто ударить ножом, да и удар в таком случае будет гораздо сильнее, – сказал Локис.

– А вот это явное заблуждение, молодой человек, – улыбнулся инструктор. – И его очень просто развеять. Сейчас вы убедитесь сами. Возьмите нож – любой, который вам больше нравится, – инструктор показал на стол.

Локис, недолго думая, подошел к столу и выбрал острый клинок с лезвием, напоминавшим контур акулы.

– Выбрали? Прекрасно. А теперь подойдите к стенду и ударьте ножом максимально сильно в любой из квадратов.

Володя подошел к стенду и, размахнувшись, с силой всадил нож в деревянную мишень.

– Отлично! А теперь, прежде чем вытащить свой ножик, постарайтесь заметить глубину проникновения в мишень.

Локис с некоторым усилием вытащил нож из квадрата, большим пальцем обозначив место, по которое лезвие вошло в мишень.

– Ну и сколько?

– Сантиметра полтора, может, чуть больше, – сказал Володя, оценив на глаз, на какую глубину нож вошел в дерево.

– Отличный результат. А теперь сравните – насколько глубоко вошли в дерево ножи, которые бросал я.

Локис стал выдергивать ножи, брошенные человеком в камуфляже.

– Сантиметра три, не меньше, – смущенно сказал Володя, достав первый ножик. За первым последовали и другие, и везде результат был тот же.

– Ну вот, ваш товарищ убедился, и я думаю, вы вместе с ним, что проникающая сила правильно брошенного ножа в среднем в два раза больше, чем та, когда ножом просто бьют, держа его в руке.

– Круто! – согласился Локис. – А можно я попробую?

– Не можно, а нужно.

Локис взял ножик и приготовился к метанию.

– Я бы вам советовал подойти к стенду поближе.

– Почему?

– Я бросал с максимально возможного, во всяком случае для меня, расстояния, – расстояния, на котором гарантировано поражение, – пояснил инструктор. – Это примерно двенадцать метров. Оптимальное расстояние – от четырех до

восьми метров. Только будьте осторожны – на таком расстоянии нож, ударившись, а не воткнувшись, может сработать как бумеранг.

Локис слегка покраснел, но окружающие этого не заметили. Он подошел поближе и, размахнувшись, швырнул ножик в стенд. Все случилось так, как и предполагал инструктор, – нож, ударившись о щит, отскочил назад, и Локис еле успел уклониться.

– Неплохо, – прокомментировал инструктор, – однако было сделано как минимум две ошибки. Прошу всех обратить внимание. Подойдите поближе.

Десантники сгрудились у стола.

– Не нужно сразу стремиться попасть в «яблочко» или пытаться выполнить бросок в полную силу. Вначале надо поставить бросок. Что для это нужно? Нужно научиться блокировать во время броска лучезапястный сустав. У вашего товарища кисть во время броска была подвижной. Итак. Первая ошибка – «хлест» кистью, и вторая – «провал» ножа, то есть его опускание ниже необходимой линии. Понятно?

– Так точно, – хором ответили сразу несколько десантников.

– Вам понятно? – спросил Анатолий Васильевич, глядя в глаза Локису. Володя не отвел взгляда. – Готовы к повторному броску?

– Так точно!

– Тогда встаньте в левостороннюю стойку. То есть левым

боком к мишени. Возьмите нож за лезвие. На таком расстоянии он должен совершить в полете пол-оборота. Так! Левая рука выпрямляется в сторону мишени, правой рукой выполняется замах, нож на уровне головы или чуть выше.

Володя послушно выполнил рекомендации инструктора. Анатолий Васильевич продолжил:

– Помните об основном условии – полное блокирование лучезапястного сустава, нож и предплечье должны находиться на одной оси. Если этого не сделать – нож будет беспорядочно вращаться. Так. Хорошо. Ну что? Пробуйте!

Локис медленно замахнулся, сделал резкое движение, и нож через мгновение с силой воткнулся в деревянный квадрат.

Десантники одобрительно загудели.

– Отлично! – сказал инструктор. – У вас есть способности. В свободное время тренируйте стойку и замах. Бросать нож не обязательно. У вас все получится. А теперь, пожалуйста, следующий.

– Разрешите мне, Анатолий Васильевич, – не выдержал старший лейтенант, его не испугало даже то, что он может опозориться перед своими подчиненными.

– Пожалуйста, – одобрил инструктор, однако бросить нож Солодовникову не довелось. Старший лейтенант издали заметил приближавшийся к площадке «уазик», на котором ездил командир части, и отложил свое намерение до лучших времен.

Десантники, завидев командирскую машину, без команды вытянулись в струнку. Должно быть, что-то срочное и неотложное, раз к ним решил навеститься сам командир части.

– Локис! – крикнул полковник Гвоздев, высовываясь из окна. – Быстро в машину!

Когда Локис устроился на заднем сиденье, полковник сказал ему:

– Милиция тобой интересуется. Хотели пригласить тебя на очную ставку. Я настоял на том, чтобы ее проводили у нас.

В кабинете командира их уже дожидался молоденький старший лейтенант в милицейской форме. Рядом с ним сидела зареванная девочка в красной куртке.

– Этот? – спросил у нее милиционер, когда Локис с полковником вошли в комнату.

Девочка быстро глянула на десантника и опустила голову:

– Этот.

– Свидетельница утверждает, что именно вас она позвала на помощь возле строящегося дома на шоссе Энтузиастов позавчера вечером.

– Правильно утверждает, – спокойно ответил Володя.

– А что я могла сделать? – крикнула вдруг девочка. – Гоша дурной был, чуть что не так – меня кулаком в живот.

Она всхлипнула, шмыгнув носом, и опять опустила голову.

– Что случилось с Гошей? То есть с Георгием Овсянским? – спросил у Локиса милиционер, показывая фотогра-

фию лысого юнца.

– Упал, – коротко ответил десантник.

– Немудрено, – согласился следователь. – У него в крови целый коктейль из разных наркотиков был. А спутник его?

– Убежал.

– Если увидите его в городе – дайте нам знать.

– Если увижу прежде, чем он откуда-нибудь свалится, дам знать непременно, – пообещал Володя.

– У меня все, – сказал милиционер полковнику, поднимаясь из-за стола. – Пойдем, – тронул он за плечо девочку в красной куртке.

Уже попрощавшись и выходя из кабинета, следователь сказал:

– Побольше б таких парней, как этот. – Он указал на Локиса. – Тогда бы и у нас столько работы не было.

– У нас все такие, – буркнул полковник.

Долины и предгорья Гиндукуша – место, которое, кажется, создано специально для выращивания мака. Здесь он рос всегда. Местные жители применяют высушенный сок незрелых, еще зеленых головок мака прежде всего как лекарство – обезболивающее и снотворное средство. Местные врачи рекомендуют принимать отвар из головок мака при лихорадке. У афганских младенцев до сих пор можно видеть черные губы – матери мажут детям рот опийной пастой, и дети после этого не особо докучают своим родителям. Мак используют также для хозяйственных нужд: сухая трава идет на корм скоту, из семян варят мыло, из стеблей – красители.

Раньше много мака не требовалось – сеяли его в ограниченных количествах. В первую очередь всегда думали о том, как прокормиться и одеться. Основными культурами афганских крестьян были пшеница, рис, хлопок, а вовсе не мак. В качестве дурмана его здесь почти не употребляли – повсеместно сам по себе рос канабис – индийская душистая конопля, именно она служила обычно средством для поднятия настроения и улучшения аппетита. В Европе для этого традиционно используется спиртное, но в исламской стране алкоголь под запретом, потому анаша получила здесь широкое распространение.

Так было до 60-х годов прошлого века. В то время хип-

пи, прежде всего английские, устремились в поисках смысла жизни на Восток, в Индию и Непал. Как правило, маршруты «детей-цветов» проходили через несколько обязательных пунктов, одним из которых была столица Афганистана Кабул. Афганская одежда стала очень модной среди европейской молодежи, особенно зимние тулупы из овчины.

Но хиппи привлекали в Кабуле не столько национальный колорит и экзотика, а, прежде всего, доступность индийской конопли, курение которой у афганцев вовсе не считалось преступлением. Это обстоятельство особенно понравилось западной молодежи, бунтовавшей против размеренного буржуазного бытия.

Однако очень быстро хиппи сообразили, что в Афганистане доступен не только легкий конопляный наркотик, но и более серьезный, вызывающий более яркие галлюцинации, опиум. Появился устойчивый спрос, появилось и предложение. Площади под посевы мака стали расти. Резкий рост производства опиумного мака в Афганистане произошел в 1979 году, сразу после ввода советских войск в эту страну.

Вопреки распространенному мнению, моджахеды, сражавшиеся против «шурави», не особо-то и нуждались в дополнительных опиумных доходах. Щедрая помощь со стороны США, Китая, Пакистана и других стран в виде оружия, продовольствия и денег вполне обеспечивала потребности афганских партизан. Но поскольку слабая центральная власть контролировала лишь города, у контрабандистов

оказались развязаны руки. В свою очередь, крестьяне, терявшие урожай зерновых из-за артиллерийских и ракетных обстрелов, авиационных бомбардировок и наземных рейдов советских войск, вынуждены были переключаться на более высокорентабельную культуру. Мак гораздо устойчивее к превратностям погоды, не боится засух, сажать его можно три раза в году, к тому же товарная стоимость его во много раз больше всех остальных продовольственных культур.

Такой вот получается парадокс – попытка строительства социализма в средневековой, феодальной стране привела к укреплению в ней капиталистических отношений. Если ранее крестьяне жили натуральным хозяйством, сами обеспечивая себя едой, то теперь они стали продавать выращенный у себя на полях опиумный мак, чтобы, получив за него деньги, купить еду и одежду.

Когда в 1989 году «шурави» ушли, после них в Афганистане еще несколько лет бушевала гражданская война без ярко выраженной линии фронта. В этой войне каждый влиятельный полевой командир стремился уничтожить соперников в своем регионе, и часто бывало так, что несколько небольших банд на время объединялись против более сильного противника.

Именно после вывода сороковой армии Афганистан стал главным производителем опиумного мака и поставщиком опиума и героина на мировой рынок. Именно в эти годы отчаянный головорез Насрулло заложил основу своего много-

миллионного состояния и создал высокорентабельный бизнес, эксплуатируя, пожалуй, самую пагубную человеческую страсть – страсть к наркотикам.

Талибы, взявшие верх на большей части территории страны, поначалу весьма лояльно относились к наркоторговле, считая опиум хорошим оружием против неверных. Однако затем, пытаясь создать себе хорошую репутацию в глазах мировой общественности, талибы начали вести бескомпромиссную борьбу с производителями опия. В 2000 году идейный вдохновитель талибов мулла Омар запретил сеять мак. Талибы действовали жестко, – нарушителям запрета пачкали гудроном лицо и в таком виде водили по улицам, что для мусульманина считается страшным позором. Но так наказывали только попавших в первый раз. Тех, кто, пережив этот позор, брался за старое, расстреливали.

Насрулло это очень не нравилось, и он стал одним из активных деятелей Северного альянса, в котором преобладали таджики и который сумел при помощи Соединенных Штатов и отчасти России взять контроль над Афганистаном. И хотя в Кабуле правил теперь пуштун Хамид Карзай, в своем округе Насрулло был полновластным владыкой. И вот теперь на его власть и его деньги покушались неверные, посмеявшиеся жечь маковое поле, принадлежавшее его крестьянам.

Это была пощечина, и подставлять для удара другую щеку, как рекомендуют последователи пророка Исы⁴, Насрулло

⁴ Иисуса.

не собирался. Напротив, он должен бы нанести ответный и сокрушительный удар. Приказав слуге проводить албанца в покои, предназначенные для гостя, он позвал Гулома, того самого молодого таджика, который сообщил о несчастье.

– Слушаю, господин, – распростерся перед Насрулло молодой таджик.

Со стороны такое подобострастие и самоуничижение могли показаться излишними, но только не людям Насрулло.

Когда Гулом был еще подростком, он стал свидетелем наказания одного из людей Насрулло, посмевшего не исполнить приказ господина. Несчастливого привязали сверху к гусенице танка, и тяжелая машина превратила тело нерасто-ропного слуги в мясной фарш. Танк минут десять катался по двору крепости, вдавливая в песок останки провинивше-гося.

Враги недаром прозвали Насрулло «мясорубкой», – подобную казнь он совершал не раз, хотя мог наказывать и более традиционным способом – содрать с живого человека кожу и натереть его солью. Поэтому дисциплина в его небольшой армии была железная. И его солдаты о дезертирстве даже не помышляли. Ибо все они знали: если Насрулло не сможет найти покинувшего его армию моджахеда, то легко сможет найти всех его ближних и дальних родственников, и расправа над ними будет жуткой.

Поэтому Гулом, которого Насрулло отправил учиться в университет в пакистанский город Лахор вместе со своим

старшим сыном, получив диплом, не раздумывая, вернулся домой, хотя перед ним открывались самые радужные перспективы не только в Пакистане, но и на Западе.

– Ты можешь узнать, что смотрел в Интернете мой уважаемый гость? – строго спросил Насрулло.

– Да, господин! – ответил Гулом.

Он открыл ноутбук и, войдя в Интернет, стал просматривать недавние ссылки.

– Гость посетил четыре страницы.

– Что на них?

– Это электронные версии четырех европейских газет.

– А что именно читал он в этих газетах?

– Это невозможно узнать, господин.

– Невозможно? Ладно. Покажи мне все, что он мог увидеть.

Насрулло взял фотографии с журнального столика и стал сравнивать их с изображениями на мониторе ноутбука.

– Дальше. Дальше. Подожди...

Рука Насрулло, державшая фотографию конопатого секунд-лейтенанта, едва заметно дрогнула.

– Хорошо. Дальше. Все?

– Да, господин.

– К завтрашнему дню сделаешь мне перевод всех четырех страниц, которые смотрел наш гость.

Насрулло, тоже учившийся какое-то время в Пакистане, сам неплохо владел английским, но ломать голову над пере-

водом ему не хотелось.

– Слушаюсь, господин.

– А эти вояки... которые сожгли маковое поле, они еще в кишлаке?

– Да, господин. Они пробудут еще несколько дней. Это пропагандистская акция. Они будут предлагать еду и зерно и уговаривать крестьян сажать пшеницу, а не мак.

– Ослы!

– Да, господин, – согласился Гулом и сдержанно вздохнул.

8

Утром Володя Локис, собираясь на службу, предупредил мать, что ему предстоит командировка во Владимирскую область на несколько недель.

– Но я не понимаю, зачем тебе ехать на этот полигон? – расстроилась Анна Тимофеевна. – Ты же на складе служишь?

– Конечно, на складе. Я выдаю военное имущество и продовольствие, – привычно соврал Локис. – И поэтому меня все уважают.

– За что? Выдаешь и выдаешь.

– Выдавать можно по-разному. Я ведь могу, например, случайно, без всякого умысла, выдать прапорщику сукно на шинель, которое положено полковнику. А полковнику – то, что положено майору. А майор будет ходить в том, в чем положено ходить прапорщику. Представляешь, как этому самому прапорщику будет приятно щеголять в полковничьей шинели?

– Разве я этому тебя учила? Не смей такими махинациями заниматься! Не смей!

– Мам, ну, мам?! Шуток не понимаешь?

– Дурацкие шутки! Откуда я знаю, шутишь ты или на самом деле так делаешь?

– Мама, ну что ты, в самом деле?

– Я уж и не знаю, когда ты правду говоришь, а когда сказки рассказываешь! Взял моду над матерью смеяться! Нехорошо это, сынок.

– Мам, ну больше не буду. Честное слово, не буду.

– Так я тебе и поверила, – проворчала Анна Тимофеевна и принялась готовить бутерброды для сына. – Все норовишь зубы заговорить, а про полигон так и не ответил. Будто я не понимаю твоих хитростей. Ну, вот скажи мне, зачем тебе на тот полигон ехать? Скажи! Только честно.

– Ладно. Мам, ты человек проверенный, тебе я могу сказать. Только очень прошу: никому! Особенно соседкам во дворе. Ты ж понимаешь!

– Понимаю, понимаю! Говори, не томи!

– Меня посылают на особо важное специальное и, главное, секретное задание.

– Ох! – испуганно охнула мать, прикрыв рот рукой.

– Да ты не бойся, ничего не страшного!

– Как ничего страшного, как ничего страшного, если специальное и секретное? – заволновалась Анна Тимофеевна.

– Мама, еще раз повторяю – это военная тайна. Я буду испытателем.

– Летчиком? – побледнела мать.

– Нет, нет! – зачастил Володя, испугавшись такой реакции. – Я буду испытывать новую военную форму в полевых условиях.

– Что?

– Новую военную форму. И не думай – это не просто так. Это очень важно!

– Форма-то?

– Она самая. Ведь не для парада, а для возможных, не дай бог! военных действий. Новый материал, новый фасон – все надо проверить в условиях, максимально приближенных к реальным. Ты же понимаешь, если под мышкой натрет, или ткань такая, что тело не дышит, – это для одного солдата проблема, а для целой армии – катастрофа. У нас этому придается очень большое значение. Поэтому было принято решение, что небольшая группа солдат, строго соблюдая режим секретности, будет в этой форме бегать, прыгать...

– С самолета?!

– Да нет же, мам, не перебивай. Не с самолета. Просто прыгать, рыть окопы, шагать маршем и так далее. Приятного мало, честно скажу, жить придется в блиндажах на полигоне, связи там никакой, мобильники не работают.

– И впроголодь?!

– Нет, мама, с этим все в порядке. Там есть полевая кухня, – все очень калорийно и питательно, а если кросс бежим, обязательно сухой паек выдают. С питанием все в порядке. Не волнуйся, мам, я ж тебе все рассказал. И смотри – никому! Ни одной живой душе!

– Ладно, ладно, что я, не понимаю.

Володя положил в портфель сверток с бутербродами, – он брал портфель на службу, потому что в форме и с по-

лиэтиленовым пакетом в руках показываться на людях было неудобно, а отучить мать делать ему «ссобойку» он так и не смог. Поцеловав мать на прощание и еще раз наказав ей строго хранить военную тайну, Володя поспешил к автобусной остановке.

Через полчаса он уже стоял на плацу вместе со своим отделением – дюжиной десантников, служивших, как и Володя, по контракту. Вдоль строя молча прохаживался взад и вперед командир части полковник Гвоздев.

– Бойцы! – напрягая голос, обратился, наконец, полковник к десанникам. – Вы все давали присягу на верность Родине. Сегодня наша Родина – в опасности. Ей брошен вызов международной мафией наркодельцов. В российские города из Афганистана идут караваны с героином. Рост наркомании в России принимает угрожающие масштабы. Если мы потеряем нашу молодежь – мы потеряем будущее России.

Десантники слушали командира, вытянувшись по стойке «смирно».

– Вы это понимаете? – спросил полковник.

– Так точно! – рявкнули десантники практически в унисон.

– Вольно, – скомандовал Гвоздев, и солдаты слегка расслабились. А полковник, убавив пафоса в своем голосе, продолжил речь:

– Практически весь героин, который распространяется в нашей стране, изготовлен на территории Афганистана. Хотя

еще совсем недавно опий-сырец перерабатывался на героин исключительно в соседнем Пакистане, в Кандагаре.

Полковник остановился напротив Локиса и, глядя на него в упор, продолжил свое выступление:

– Сейчас наметилась тенденция. Некоторые полевые командиры, разбогатевшие на торговле наркотиками, устраивают заводы по переработке опия в героиновый порошок у себя в Афганистане, потому как не желают делиться прибылью с пакистанцами.

Вдали за казармами раздался надрывный собачий лай. Курсанты спецназа Главного управления Генштаба знали, что это означает, – дворняжкам в вольерах принесли еду. Через какое-то время этим дворняжкам самим предстоит стать едой на занятиях по выживанию и преодолению безгливости. Милого, как правило, добродушного пса необходимо было собственноручно задушить, потом взрезать ему брюхо, для того чтобы отыскать проглоченный контейнер с якобы секретной информацией, а затем освежевать его, сварить в котле и съесть.

Десантники, выдержавшие это испытание, стали переглядываться.

– Не отвлекаться! – остановился полковник, заметив в строю легкое движение. – Бойцы! – опять повысил голос командир части. – Вам предстоит специальное и строго секретное задание. Высшим руководством принято решение об уничтожении предприятий, перерабатывающих опий-сырец

на территории Афганистана. Удары по заводам будут наноситься точно, в обстановке строгой секретности, чтобы никоим образом не осложнить дипломатическую обстановку, а главное – не спровоцировать антироссийские настроения в Афганистане, где и так, как известно, мы оставили о себе недобрую память. В том числе и я. Понятно?

– Так точно.

Ночь для военных из ISAF, расположившихся на ночлег в трейлерах на краю кишлака Бахоршох, прошла спокойно. Боевое охранение было выставлено, и люди сменялись каждые два часа, но никаких подозрительных движений и даже шорохов часовые, оснащенные приборами ночного видения, не зафиксировали. Конопатый секунд-лейтенант Томми Уэльс, который два раза за ночь вставал проверять боевое охранение, подумал утром с досадой, что майор Рэдманс явно перестраховывается и напускает на себя вид бывалого вояки, чтобы внушить к себе уважение.

Посетив биотуалет, оборудованный в одном из трейлеров, лейтенант с полотенцем на плече, мыльницей и зубной щеткой в руках направился к ручью, протекавшему недалеко от их лагеря.

– Сынок, – окликнул его Рэдманс, вышедший из своего вагончика.

– Слушаю, сэр, – лицо рыжеволосого юноши покрылось густым румянцем. Ему явно не понравилась фамильярность майора, который обращался с ним, как с маленьким мальчиком. В конце концов, он тоже офицер, пусть младше по званию и по возрасту. Лейтенант сдержался, хотя это стоило ему некоторого усилия воли.

– Зубы в ручье чистить не рекомендую. Можно заработать

гепатит. Тебе какой больше нравится – А, В или С?

– Ни тот, ни другой, ни третий, – стараясь выглядеть невозмутимым, ответил Томми.

– Правильно. Все друг друга стоят, но особенно хорош С, потому как живут с этой болезнью даже с учетом проведения интенсивной терапии не более пяти лет. Как тебе перспектива?

– Заманчивая, – едва ли не с вызовом отозвался конопатый. – Только откуда взяться вирусу в ручье, стекающем с гор?

– Мое дело предупредить, сынок, твое дело решать: чистить зубы водой из ручья или не чистить. Только смотри, чтобы этот вопрос не стал гамлетовским: быть или не быть. Местные, конечно, к этому по-другому относятся – больным дизентерией или гепатитами, кроме С, здешние врачи освобождения от работы не выписывают. Здесь эти болезни обыденное явление. Банальное.

– Спасибо, сэр, за заботу о моем здоровье.

– На самом деле это входит в мои обязанности. Я забыл тебе сказать вот еще что. Это ответ на твой вопрос о горном ручье. Тут не считается зазорным оправиться в горный ручей, из которого ниже по течению берут воду для питья. Да! И постарайся уложить свою экскурсию к ручью в десять минут.

– Но почему десять?! – возмущенно сказал конопатый секунд-лейтенант.

– А потому что правоверные мусульмане еще десять минут будут молиться, и ни один из них не всадит пулю из прибрежных кустов в твою заметную рыжую голову. После окончания молитвы ты можешь стать прекрасной мишенью. Ты все понял?

– Да, сэр.

– Тогда торопись.

Томми нарочито неторопливо зашагал к ручью, хотя майор, конечно, страху на него нагнал. Однако показывать ему это конопатый упрямец не хотел. Понимая, что майор может наблюдать за ним, лейтенант, встав к нему спиной, выдавил на сухую зубную щетку полоску пасты и принялся чистить зубы.

Без воды чистить зубы было очень противно, паста была соленой и горькой. Томми зачерпнул рукой пригоршню холодной воды и наклонился, но полоскать рот не стал. Только сделал вид, что полощет, выплюнув на ладонь липкую густую слюну. При этом его едва не вырвало. Впечатлил его все-таки рассказ майора. Когда тебе двадцать два года, ко многому относишься легкомысленно, но подхватить здесь гепатит и умереть в самом расцвете сил – глупо, и лейтенант не стал искушать судьбу. Он, конечно, задержался у ручья на три минуты дольше, чем рекомендовал ему его командир, но, что греха таить, чувствовал себя эти три минуты не очень комфортно.

Рэдманс, однако, не следил за Томми. У него была совер-

шенно другая забота. Отдав несколько необходимых распоряжений по лагерю, он приказал развернуть один из трейлеров входными дверями к кишлаку. Внутри трейлера повесили экран. День обещал быть солнечным, и майора беспокоило, насколько ярким получится изображение на экране, которое он собирался вывести с помощью автоматического диапроектора с монитора ноутбука.

Плотно закрыв все окна в трейлере, майор включил ноутбук, и на экране появилось изображение маковой головки.

– Будем приобщать аборигенов к искусству кино? – спросил подошедший Томми, который уже успел сходить в свой трейлер и там прополоскал рот.

– Типа того. Выступим в роли братьев Люмьер в этом богом забытом кишлаке.

– Отлично!

– Отлично, конечно. Только вот, думаю, публика тут более взыскательная, чем та, которая смотрела первый сто с лишним лет тому назад. Вряд ли оценят.

– А вдруг?

– Будем надеяться, – пожал плечами майор и вдруг выругался: – Мать их разэтак! Ленъ было задницу оторвать! Крысы тыловые – пропагандисты хреновы!

– Что случилось? – встревожился лейтенант.

– А ничего хорошего. Эти штабные умники подсунули мне диск с фильмом без перевода на пушту и дари.

– Надо же. И что теперь?

– Будем надеяться, что в этом кишлаке найдется кто-нибудь, кто знает английский. Иначе, какой смысл в демонстрации этого триллера? Это ж все-таки не немое кино! Ладно, надо начинать.

Майор нажал кнопку, и из громкоговорителя на крыше трейлера раздался голос, приглашающий местных жителей получать продукты питания. Речь была произнесена вначале на английском, а потом продублирована на пушту и таджикском языках.

Призыв был услышан, и на расстоянии метров тридцати от лагеря собралась толпа местных жителей. На их лицах не было радости по поводу предстоящей раздачи продуктов – большинство из них не скрывали своей ненависти к людям, которые сожгли их посевы мака.

– Кто-нибудь из вас говорит по-английски? – обратился майор к толпе.

Он несколько раз повторил свой вопрос, пока, наконец, парень тот самый, который вчера фотографировал военных своим стареньким мобильным телефоном, с некоторой опаской не выдвинулся из толпы. Видимо, он не забыл то, какотреагировал вчера майор на его старания запечатлеть лица военных.

Майор понял это и сказал ему:

– Не бойся. Иди сюда. Получишь бакшиш.

– Что такое бакшиш? – тихонько спросил у командира рыжий секунд-лейтенант Томми.

– Подарок. Взятка. Гонорар – все, что угодно. Привыкай, это самое распространенное здесь слово.

Объяснив Томми про бакшиш, майор спросил у афганского юноши:

– Как тебя зовут?

– Азизулло, – ответил тот с некоторой дерзостью, потому как понял, что в нем действительно нуждаются.

– Так ты говоришь по-английски, парнишка?

– Немножко говорить.

– И понимаешь?

– Не все. Не все слова знать. Мало.

– Проклятье, – вновь чертыхнулся майор.

– О, это знаю, – заулыбался Азизулло.

Однако его радость не передалась офицеру.

– А лучше тебя кто-нибудь знает английский в вашем кишлаке?

– Да! Есть. Это мой сестра.

– Мне нужен переводчик, – по слогам произнося слова, сказал ему майор. – Если твоя сестра лучше тебя знает английский, приведи ее сюда. Она получит бакшиш, и ты получишь бакшиш. Двойной бакшиш. Понял?

Майор показал молодому афганцу два пальца.

Азизулло замахал головой в знак того, что все понял, но сказал озабоченно:

– Нужно я спрашиваю. У старых людей. Разрешить.

И, вернувшись в толпу, он подошел к седобородому акса-

калу и что-то почтительно сказал ему. Получив от него ответ, он опять подошел к майору.

– Сейчас сын моего покойного двоюродного брата, бача⁵ Рахматулло, приведет мою сестру.

– А как ее зовут? – спросил Томми у афганца. – Вашу сестру как зовут?

– Нельзя! – то ли удивился, то ли оскорбился тот.

– Почему? – удивился конопатый.

– Мусульманин не должен называть ни имя жены, ни имя сестры. И никто не спрашивает.

– Ну, извини, я ж не знаю ваших порядков, – смущенно сказал рыжий секунд-лейтенант и, как всегда в таких случаях, сильно покраснел.

Майор с ехидством посмотрел на вдруг ставшее ярко-пунцовым лицо Томми и сказал:

– Ничего, сынок. Опыт – это сумма накопленных ошибок.

Вскоре юркий мальчишка лет двенадцати привел сестру Азизулло.

Толпа расступилась перед ними. Мужчины, не отрывая глаз, смотрели на тонкую гибкую девушку, а женщины в темных паранджах высказывали свое неодобрение энергичными жестами.

Их возмущение было вполне понятно. У большеглазой сестры Азизулло было открыто лицо, ну или почти открыто, во всяком случае, ее хиджаб – платок, завязанный на голове,

⁵ Мальчик.

скрывал лишь подбородок, оставляя открытыми глаза и нос.

– Добрый день, мисс! – приветствовал ее майор почти-тельным полупоклоном.

– Здравствуйте, сэр, – ответила девушка на хорошем английском, и рыжему лейтенанту показалась, что тень улыбки мелькнула на ее хорошеньком большеглазом лице. – Племянник сказал, что вам нужен переводчик. Он все верно понял? – уточнила девушка, кивнув на мальчишку, который привел ее сюда.

– Да, мисс! Он все верно понял, – заверил ее майор. – Мы должны показать этим людям фильм о вреде наркотиков, но, к сожалению, закадровый текст идет только на английском языке, и я боюсь, что фильм местные жители не поймут.

– В любом случае, они не захотят его понимать, – сказала девушка. – Вы сожгли посевы мака и обрекли их на голод. Их и их детей. И все ваши увещевания будут совершенно напрасны.

– Но мы привезли продовольствие! Мы раздадим его после фильма. И семена! – неожиданно вмешался в разговор Томми.

Девушка бросила на конопатого короткий взгляд и продолжила говорить, обращаясь к майору:

– Вы скоро уедете, а эти люди останутся здесь со своими проблемами.

– Извините, мисс, а ваша семья тоже выращивает мак? – осторожно поинтересовался майор.

– Нет, сэр. Мой брат Азизулло занимается торговлей, и ему пока удается содержать семью. Но мы отклонились от главного. Рахматулло сказал мне, что вы обещали заплатить за работу переводчика.

– Да, мисс! Пятьдесят долларов вас устроит? – спросил майор и поспешил уточнить: – То есть пятьдесят вам и пятьдесят вашему брату?

– Более чем, – лаконично ответила девушка и коротко кивнула в знак согласия. Рэдманс включил диапроектор.

Как и предсказывала сестра Азизулло, фильм не произвел на ее односельчан особого впечатления. Они отнеслись к нему с иронией – их не напугали страшные документальные кадры, показывающие распад человеческой личности и физические страдания неизлечимых наркоманов. Ведь все это были неверные, не признававшие Аллаха. И поделом им за это!

Зато завершающая культурную программу раздача мешков с мукой, сахаром и рисом и жестяных банок с растительным маслом была воспринята с энтузиазмом. Афганцы охотно брали все, что давали: минеральную воду, банки с тушенкой, на которых была изображена корова, и даже рулоны туалетной бумаги, хотя ею в этих местах никогда не пользовались – на этот счет здесь существовали совсем иные гигиенические правила.

Сгибаясь под тяжестью мешков и ящиков, местные жители, как тараканы, расплзались по своим глинобитным хи-

жинам.

Улица быстро опустела...

На одном из подмосковных военных аэродромов, у двухэтажного штабного здания, расположилась группа десантников в пятнистых светло-зеленых комбинезонах. Контрактники ждали командира группы, которого им должны были представить перед самым вылетом. Комбинезоны, которые были сейчас на спецназовцах, заметно отличались от тех, какие им приходилось надевать раньше.

Самым главным отличием было отсутствие на рукавах трехцветных бело-красно-синих шевронов, обозначавших их принадлежность к Вооруженным силам Российской Федерации. Вместо них были пришиты шевроны с изображением пикирующего орла, держащего в когтях молнию. Над шевроном белыми буквами на красной полоске было вышито название совсем другой страны. Необычными были также знаки различия на петлицах и погонах.

Вот только автоматы, которые выдали десанникам, были привычные – «калаши» со складывающимися прикладами. Было известно, что спецназ бывших «братьев по оружию» предпочитает «АКМСы» американским автоматическим винтовкам «М-16», которые очень чувствительны к песку, поэтому малопригодны к использованию в районах Ближнего и Среднего Востока.

На десанниках была форма военных одной из восточно-

европейских стран, относительно недавно ставшей членом Североатлантического альянса, и эта форма стала главным предметом дружеских подколов в группе десантников.

– Ну что, Медведь? Как к вам прикажете теперь обращаться? Не пойму, ты теперь кто? Капрал или старший капрал? – подковырнул Локиса его сослуживец Игорь Колодеев, невысокий, но крепко сбитый спецназовец, мастер спорта по дзюдо.

– Что ты его в звании понижаешь? – лениво спросил флегматичный гигант Тимур Валиахметов, славившийся своим умением разбивать головой кирпичи. Это умение, впрочем, никак не влияло на его умственные способности, о чем свидетельствовал первый разряд по шахматам, которым Валиахметов очень гордился. – Не старший он капрал, а самый что ни на есть главный.

– А ты откуда знаешь? Ты же ферзя от королевы отличить не можешь.

– Ща как дам по лбу!

– Не надо! Вот это не надо. У меня лоб однозначно послабее твоего будет.

– Медведь, ты че молчишь? Внеси ясность.

– Зис из милитари сикрит, пацаны, – с важным видом ответил Локис, который в отличие от всех остальных не отдыхал в тенечке, а усердно тренировал стойку и замах для испытания ножа – так, как показывал инструктор. – Это военная тайна.

– Ни фиги себе! А мы и не знали.

– Теперь знайте. Звание старшего по званию это есть военная тайна. Зис из милитари сикрит.

– Слушай, а ты только замахиваться научился? – поинтересовался Тимур, глядя, как Локис тренируется с ножом.

– Могу и бросить. Только некуда.

– Так здание досками обшито. Продемонстрируй.

– Хочешь, чтобы меня за порчу казенного имущества на губу замели перед командировкой? Нет, Тимурик, в другой раз покажу.

– А вы заметили, Вася, как легко нашему Володьке иностранные языки даются? – обратился к товарищу Колодеев.

– На то он и Медведь! У него ж и фамилия какая-то немецкая. Как его вообще с такой фамилией особый отдел пропустил в нашу элитную часть?

– Вовка, а откуда у простого российского солдата такая фамилия?

– Фамилию не тронь, от папы досталась, – с притворной угрозой ответил Локис.

– Он у тебя немец?

– Белорус.

– Во как? А фамилия вроде не белорусская.

– Литовская фамилия.

– Так он у тебя литовец! Все понятно.

– Белорус, – упрямо повторил Локис. – Просто когда-то давно у белорусов с литовцами было одно государство – Ве-

ликое княжество Литовское. Я в свой последний отпуск на родину отца съездил, хотел с родственниками познакомиться. Я ж отца и не помню совсем. Он пацана спасал, а сам утонул.

– А пацан?

– Пацана он вытолкнул. Живой пацан. Дети уже есть у пацана этого. Так я о чем? У бати в деревне половина Локисов – и все белорусы. А Локис по-литовски значит «медведь».

– Во! А я-то думал, мы Медведя так кличем из-за того, что он борец классный. А он, оказывается, на самом деле Медведь.

– Да, и так бывает, – подвел итог Игорь Колодеев. – Жизнь без проблем – не жизнь.

– Нам проблемы, похоже, гарантированы, – заметил Тимур.

– Что, Тимка? Очко не железное? Боишься, когда страшно?

– При чем тут очко? Я жениться собрался, – насупился Валиахметов.

– О! Поздравляем! – сказал Володя.

– С чем поздравлять-то? Свадьба через две недели должна быть. Очередь отстояли во дворце бракосочетания, все как положено. Она уже список гостей составила, приглашать начала.

– Мы, я так понимаю, в этот список не вошли? – спросил Колодеев.

– Почему не вошли? Я ж свой список еще не составил. Это она своих гостей приглашает. А я своих. Приглашу, конечно. Я Медведя вообще думал свидетелем позвать.

– Ну, так в чем дело? Я согласный, – расплылся в улыбке Локис.

– Спасибо, что согласный. А если за две недели не управимся?

– Проблему нашел! Не через две, так через три недели свадьбу сыграешь.

– Это для тебя не проблема. А как я своей малой объясню, куда я перед свадьбой исчез? Она у меня заводная – жуть. Слова поперек не скажи.

– А ты и не говори поперек, – посоветовал Игорь. – Ты говори так, как ей нравится.

– А что я ей скажу? Она требует, чтоб между нами никаких недомолвок не было.

– Скажешь, что военная тайна. Ведь правда военная тайна? Правда! И никаких недомолвок, – подсказал Володя.

– А вдруг не поверит?

– Поверит. Мы командира попросим специально для тебя справку выдать. Мол, такой-то и такой-то находился в командировке с такого-то по такое-то число. Где именно, уточнять не обязательно. Поставим печать, все будет как положено. Наш командир – мировой мужик! Войдет в положение.

– Вообще-то да! Должен войти в положение, – воодушевился Тимур Валиахметов. – Он такой!

– Вот видишь! А вот и командир – легок на помине, – первым заметил Локис и как старший по званию скомандовал: – Подъем! Построились! Встать смирно!

Рядом с командиром части шел незнакомый им мужчина в камуфляжном комбинеzone. В таком же, какие были на десанниках.

На вид незнакомцу было больше сорока, у него была совершенно седая голова и обветренное лицо, изборожденное глубокими морщинами. Однако в лице этого немолодого человека было что-то мальчишеское. В его больших ярко-синих глазах светился юношеский задор. И его движения и походка были по-юношески энергичны и легки.

– Вольно, ребята, вольно, – издали махнул рукой командир части. – Не до формальностей сейчас. Ни к чему. К заданию готовы?

– Так точно! – дружным хором ответили десантники.

– Может, кто-то хочет отказаться? Уважительные причины или так, вообще? Еще не поздно. Есть такие?

– Никак нет, товарищ полковник, – опять-таки хором ответили солдаты.

– Ну что ж, орлы. Я так и думал. Позвольте представить вам вашего командира на время выполнения особого задания. Это полковник Волков Виктор Петрович. Человек более чем опытный, провел в тех местах, в которые вы сейчас отправляетесь, более десяти лет. Подчеркиваю, более десяти лет. Я понятно изъясняюсь?

– Так точно!

Контрактники поняли, что незнакомец пробыл в Афганистане больше того срока, что находилась там 40-я армия, а значит, кроме того, что прослужил в Афганистане всю войну, бывал там еще либо до войны, либо после. А это говорило о многом, и прежде всего о том, что этот человек уже не первый год работает в спецслужбах.

– Добавлю для полной ясности, что он мой личный друг. Лучший друг, которому я обязан своей жизнью, – заявил командир части и еще раз спросил: – Все ясно?

– Так точно! – опять прогремел дружный хор голосов.

– Хорошо, у меня тогда все. Давай, Виктор Петрович.

Незнакомец чуть выдвинулся вперед и с приятной улыбкой, обнажающей белоснежные зубы, поздоровался:

– Ну, здравствуйте, орлы!

– Здравия желаем, товарищ полковник!

– По-моему, была команда вольно? Расслабьтесь, мужики. Я таки действительно полковник Российской армии, но все мы прежде всего российские солдаты, а значит, товарищи. Там, куда мы летим и где нам предстоит выполнить свою работу, мы не будем по званию. Потому что для тех, кого мы должны обезвредить, мы все – враги. Смертельные. Поэтому запомните. В боевой обстановке, а именно такая обстановка ждет нас в пункте назначения, я для вас Волк. Просто Волк.

– А у нас Медведь есть, – выкрикнул Игорь Колодеев и кивнул на Локиса.

– Знаю, – сказал незнакомец и опять улыбнулся. – Мне ваш командир дал подробные характеристики о каждом из вас. Знаю о всех ваших заслугах и достоинствах. По моей просьбе из вашей части отобрали лучших. Самых лучших. Кроме всего прочего, все вы, правда, в разной степени, но владеете английским языком. Ду ю андастэнд ми?

– Йес, сэр! – прогремело в ответ.

– Итс о'кей! Скорее всего ваше знание английского вам не пригодится. Лучше бы вы знали пушту или таджикский. Однако, как вы все уже поняли, по легенде мы – солдаты одной из стран НАТО, ранее состоявшей в Варшавском Договоре, солдаты страны, которая сейчас участвует в миротворческой деятельности в Афганистане по мандату Организации Объединенных Наций. Это чтобы не вызвать, скажем так, лишних вопросов у аборигенов. А все натовские военные в Афганистане владеют английским языком. Сами понимаете, что в том случае, если события пойдут не по сценарию, мы ни в коем случае не должны стать поводом для международных скандалов и осложнения отношений между Россией и той страной, чьи погоны сейчас на ваших плечах. Если возникнут сложности – от формы лучше избавиться, ну а в случае форс-мажорных обстоятельств, например, попадания в руки врага – абсолютное молчание. Понятно, я надеюсь?

– Понятно, – твердо ответил Локис на этот раз один за всех.

– Ваш командир уже спрашивал, но я повторяю, чтобы

быть уверенным, что вы отдаете себе отчет в том, куда и за-
чем направляетесь. Никаких неприятностей у тех, кто отка-
жется лететь, не будет. Гарантирую. Итак, кто со мной – один
шаг вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.